

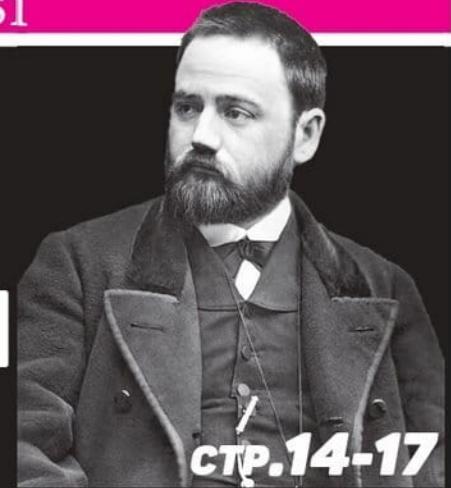
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.10-11

**ПО СТАРОМУ
«НОВОМУ
СТИЛЮ»**

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

стр.14-17

**РОМАНЫ
БЕЗ КИНОВЕРСИЙ**

стр.12-13

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№13 (94)
МАРТ 2022

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

Программка дебютной постановки «Однадцать неизвестных»

Е. Дембская в роли Кати («Однадцать неизвестных»)

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

«Католический дом» — первое помещение театра (современный вид)

Александр Галяс

Об Одесском академическом театре музыкальной комедии имени М. Водяного, который на днях отметил 75-летний юбилей, написано множество статей, выпущено большое количество теле- и радиопрограмм. Без преувеличения можно сказать, что этот театр — самый известный из театральных коллективов за всю историю Одессы. Но одну немаловажную деталь славной биографии театра отмечают как бы вскользь. А именно то, что знаменитый одесский театр родился и первые семь лет своей жизни провел во Львове.

Странным образом история Львовского театра музыкальной комедии (1947–1953) начиная выпала из поля зрения театроловов и журналистов. Между тем многие из его ведущих мастеров, включая Главного Артиста, именем которого назван театр, начинали свой путь в здании бывшего «Католического дома» на улице Городецкого. В этой статье я постараюсь очертить основные этапы становления знаменитого театрального коллектива.

ОПЕРЕТТА ВМЕСТО МИНИАТЮР

22 августа 1944 года Совет Народных Комиссаров УССР и ЦК КП (б) У принял «Постановление о возобновлении работы театров г. Львова». Согласно этому документу было разрешено возобновить работу трех львовских театров — Оперы и балета, Польского драматического, Театра эстрады и миниатюры, а также перевести во Львов украинский драмтеатр имени Заньковецкой. Руководить Театром миниатюры поручили 68-летнему Иосифу Стаднику — известному в Западной Украине актеру, режиссеру, педагогу и весьма успешному (в досоветском прошлом) импресарио. Два года театр успешно «делал сборы», пока не началось «закручивание гаек». 8 августа 1946 года в главной партийной газете Львова «Вільна Україна» появилась статья с красноречивым называнием «На хибному шляху. До наступного сезона у Львівському театрі мініатюри («На ложном пути. К грядущему сезону в Львовском театре миниатюр»).

В ней жестко критиковались планы театра поставить водевиль польского комедиографа Александра Фредро «Дамы и гуарсы». «Цикада, кто знает директивы политичне обличча автора цих поших комедий? А це треба знати!» («Интересно, знает ли ди-

рекция политическое лицо автора этих поших комедий? А это нужно знати!») — писал автор статьи, намекая на то, что польский драматург воевал в 1812 году на стороне наполеоновского войска.

После чего было решено «перепрофилировать» Театр миниатюры, создав на его основе Театр музкомедии. При наборе труппы предпочтение отдавали поющим актерам, а также людям комедийно-одаренным, наделенным чувством юмора. Так попал в Театр его самый знаменитый артист. Приказом от 13 ноября 1946 года Михаил Водяной был переведен в Театр миниатюры из Львовской филармонии. За них последовали его коллега и партнерша Евгения Дембская. Взяли в театр молодых артистов Владимира Чекалова, Илью Городецкого, комического актера с опытом работы Николая Кошкина. Приехала во Львов и блестящая комедийная актриса Надежда Бухарина. А пост художественного руководителя доверили 39-летнему Владимиру Скляренко, заслуженному деятелю искусств УССР. В помощь ему придали 34-летнего Изакина Гринштуна и 50-летнего Доминика Козачковского, который недавно покинул пост худрука

Сумского музыкально-драматического театра. Этому триумвирату предстояло заложить основы нового театра.

ПРЕМЬЕРА ПРЕМЬЕРЫ

Генеральная репетиция оперетты Ники Богословского «Однадцать неизвестных» прошла на скромную «четверку». Задалось на монтировщиков, опаздывали осветители, порою оркестр расходился с солистами, а те раз за разом путали слова; не для всех украинский, на котором игрался спектакль, был родным языком. Несколько раз постановщику приходилось останавливать действие, из-за чего «комедия-оперетта в трех действиях, пяти картинах и трех интермедиах» (так был обозначен жанр этого представления) казалась сильно затянутой. Ко всему прочему, вылезли наружу несхожности либретто, которое явно было сочинено на скорую руку. Хотя и известными авторами — Владимиром Дыховичным, Морисом Слободским и Борисом Ласкиным. Но вместе они работали впервые, да и задача была не из простых: как можно скорее отреагировать на блещущее выступление футболистов москов-

В. Скляренко — первый главрек

ского «Динамо» в Англии, когда четыре команды «родонаучальников футбола» были повержены с общим счетом 19:9. Но как это сделать в оперетте? Вот и придумали авторы сюжет, когда во время полета советской футбольной команды в страну «туманного Альбиона» форвард Леша Комаров влюбляется в пилота Катю Колесникову. А той, чтобы поддержать моральное состояние футболиста «на должном уровне», приходится делать вид, что и она увлечена им. Понятное дело, что в результате притворство сменяется искренним чувством. Ну, а веселье в пьесе обеспечивает некто Василий Иванович Чашкин, «калькулятор торгтревда» и страстный болельщик, который умудряется лететь в Лондон «зайцем».

Тут поневоле возникают вопросы.

Где, интересно, в 1946-м авторы видели девушек за штурвалом международных рейсов? Как мог посторонний человек незамеченный пробраться на борт самолета, летящего в Лондон?! Это же чистой воды статья «Измена Родине» с соответствующими выводами! Ладно, положим, и в классических опереттах сюжеты не бог весть какие, но там выручает музыка. А тут Никита Богословский скрутил не меньше своих соавторов-либреттистов. Ни одной по-настоящему яркой песенной мелодии, такой, чтобы зритель мог унести с собой после спектакля...

Так что режиссеру Изакину Гринштуну пришлося напрячь всю свою фантазию, чтобы зрителю не обращало внимания на глупости драматургии, а воспринимал яркую «картинку»...

Ко всему прочему, пока здание бывшего «Католического дома» на улице Городецкого готовилось к открытию, основную часть репетиций приходилось проводить в совсем не приспособленном для этого актовом зале Управления железной дороги. Там было чертвотко холодно, и выручала лишь серд добойная сторожиха, в своей каморке готовившая актерам чай. Она жалела артистов, называла их «горемышами», а при громком пении все спрашивала: «А чего это они так надрываются?»

Репетиции, впрочем, проходили весело, по-студийному. Актеры старались, как могли, вот только для многих из них предстоящий спектакль был сценическим дебютом. Да и сам режиссер впервые проводил себя в оперетте...

Д. Козачковский и Н. Бухарина в спектакле «Однадцать неизвестных»

— Изакин Абрамович, — раздался за спиной тихий голос директора. — Не забудьте про углы!

Гринштун чертыхнулся про себя. Озабоченный трудной репетицией, он и в самом деле упустил из вида, что артистам еще предстоял поход в поисках... углов. Здание к премьере следовало протопить, чтобы зрители не замерзли, а углы и дров театру выделили в обрез. Вот и решено было, что все сотрудники постараются раздобыть уголь, где только возможно...

«По сусекам» толпиво наскребли, так что комиссия из обкома партии, принимавшая спектакль, осталась довольна. И идеологической стороной оперетты, и постановкой, и в немалой степени тем, что в зрительном зале можно было сидеть без пальто...

Цензуриное «добро» было получено и 23 марта 1947 года спектаклем «Одиннадцать неизвестных» открылся Львовский театр музыкальной комедии...

Сорок лет спустя заслуженный деятель искусств УССР, профессор Изакин Абрамович Гринштун так вспоминал об этом событии: «Название первого спектакля как бы символизировало жизнь нового коллектива театра. Большинство актеров впервые выходило на сцену. Не было мастерства, но была молодость, искренность. И вот первый спектакль!.. Казалось, что занавес шевелится от волнения актеров на сцене... Обморочное состояние актрист и чай-то истощенный шепот: «Я, кажется, без голоса...». Юбка, потерянная балериной на сцене, и занавес, на открывающейся ворвемя. Неожиданно из-за кулис раздается голос рабочего сцены: «Та не хвилуйтесь, в театр пришли тильки добрые люди, поганых не пустили!» («Да не беспокойтесь, в театр пришли только добрые люди, плохих не пустили»). На лицах актеров появились улыбки. Зазвучала увертюра. Награда за все волнения были долго не умоляющие аплодисменты, цветы и хлынувшие на сцену друзья».

На следующий день в театр прислали телеграмму: «Новый Львовский театр музыкальной комедии — стал на верный путь. Об этом свидетельствует премьера «Одиннадцати неизвестных». Успех этого спектакля тем больше, что в нем заняты молодые талантливые артисты, воспитанные в большинстве, в театральных студиях Львова. И.С.Грушечкин, Секретарь Обкома КП (б) У.

А через неделю в газете «Львовская правда» появилась и рецензия, красноречиво названная «Рождение театра».

«Мы увидели первый спектакль нового во Львове Театра музыкальной комедии, — писал С.Завалков. — Нас порадовали его успех и то здоровое, хорошее в творческом облике молодого театрального коллектива, что, несомненно, дает ему право на жизнь, право трудиться на благоэтатной почве советского искусства».

Позднее, в своем исследовании по истории украинской оперетты теоретик Юрий Станишевский отметил, что «Одннадцать неизвестных» шли в разных театрах Союза, но никому эта оперетта не принесла успеха. Кроме львовян, ибо постановка И.Гринштуна отличалась «настолько фейерверком режиссерской фантазии, изобретательностью и остроумием мизансцен».

Вот так родился новый театр...

«СИЛЬВА» БЕЗ ШТАМПОВ

Сам же худрук Владимир Скляренко для своего дебюта на поприще музкомедии выбрал беспригрышный ход — «Сильву» Кальмана. Но эта оперетта за прошедшие после премьеры три десятилетия успела обрасти огромным количеством штампов. Их-то и собрался высмеять в своей постановке ученик Леся Курбаса. Тем более, что ставить «как положено» практики было не с кем. Актеры, в массе своей рожденные в 1920-х, понятия не имели о манерах «высшего света». К счастью, в Доме для престарелых удалось найти бывшую фрейлину матери Николая Второго. Она учila актеров искусству красиво одеваться, носить платья со шлейфом, пользоваться веером, актеров же — носить фрак и целовать руки дамам. Лучше всех этой науки усвоила исполнительница главной роли Евгения Дембская, у которой, однако, возникла другая проблема — отсутствие необходимых тканей для сценических нарядов. Евгения Михайловна вспомнила, что по эти причине плацты Сильвы сшили из занавески, а шляпку смasterили из коврика. Впрочем, для спектакля, который пародировал штампы «неовенской оперетты», подобные наряды были вполне органичными.

Поначалу режиссерскому замыслу противостояла самая опытная из актрис Надежда Бухарина. Она могла во время репетиций с иронической улыбкой сказать партнерам: «Чего думать? Что изобретать? В «Сильве» уже давно все известно, как ставить...». Но постепенно и она подчинилась режиссерскому замыслу.

Премьера «Сильвы» состоялась 12 мая 1947 года. Нестандартная трактовка вызвала противоречивые отклики. После чего В.Скляренко покинул театр, приняв предложение стать главным режиссером Львовской оперы. Новым худруком назначили Дамиана Козачковского — самого старшего и опытного из членов коллектива.

БЫТЬ, КАК «ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР»

Сезон 1947-48 гг. открылся спектаклем по оперетте Исаака Дунаевского «Вольный ветер».

Во время войны самый популярный композитор-песенник Союза удивительно образом создал только одну популярную песню — «Дорогая моя столица» на стихи Марка Лисянского. Всего один «шлягер» за четыре года — это ни шло, ни в какое сравнение с 1930-ми, когда таковых композитор «выдавал» по десятку в год...

Недоброжелатели издавательски иронизировали по поводу подозрительно затянувшегося молчания признанного классика «легкой музыки»: дескать, «Иссак Осипович». И мало кто понимал, что война, на самой сути, была категорически противопоказана натуре композитора. Зато после войны в его творчестве, что называется, «прорвало плотину», и то, что четыре года копилось и не находило выхода в трагических буднях военного времени, всполошилось в гениальной музыке «Вольного ветра». Из всех классических оперетт, пожалуй, только кальмановская «Сильва» может соперничать с «Вольным ветром» по количеству мелодий, которые впечатывают и заставляют память после спектакля или прослушивания аудиозаписи. Так что неудивительно, что в 1947-м году практически все «музкомедийные» театры Союза схватились за эту оперетту. Тем более, что идеологически она была «выдержанна на все сто».

Положительными героями были «простые люди» — матрос-партизан Янко, его невеста Стелла, его друг Фома и Филипп, старый безработный актер Цезарь Галья, деревенский парень Михаэль (Мики), служанка из таверны Пепитта и другие. Им противостояли «последники англо-американских империалистов» — начальник полиции, шпики в граве с Одноглазым, богатый судовладелец Георг Стан, международная авантюристка маркиза де-Сент-Клу и т. п. Но сюжетные перипетии для зрителя отступали на второй план перед каскадом блестательных мелодий.

Постановочной бригаде и актерам было, где проявить свою фантазию. Редко над каким произведением труппа театра работала с таким удовольствием и азартом. В результате получился спектакль, который любили зрители и обожали актеры...

«Вольный ветер» был всего лишь четвертой постановкой театра Музкомедии и второй — у И.Гринштуна. Но именно этот спектакль стал лучшим в истории театра его львовского периода.

В ТИСКАХ ЭПОХИ

В объемистой монографии Моисея Янковского «Советский театр оперетты» (1961 г.) Львовская музкомедия упоминается один-единственный раз — как предшественник Одесского театра. Столь вошлое невнимание к театру лучшего знатока истории советской оперетты отчасти можно объяснить географическим положением коллектива и политической ситуацией в Западной Украине, куда стилические критики боялись ехать в принципе. За пределы же республики львовские выезжали только в Молдавию да Грузию. Но, скорее всего, причину следует искать в том, что театр не создавал таких, как принято говорить нынче, «информационных поводов», которые могли бы заинтересовать столицу.

В основном приходилось ставить сочинения советских авторов; такие были реалии того времени. Из 49 постановок Львовского театра музкомедии только 10 можно отнести к «классическому наследию». И все равно руководство театра регулярно ставили в вину то, что «недостаточно решительно» происходит перестройка репертуара «в сторону современности».

Между тем именно классика спасала театр от финансового краха. А такая угроза была более чем реальная, поскольку в 1948 году И.Сталин, ставший к этому времени председателем правительства, в пять раз (с 750 млн руб. до 150 млн руб.) срезал дотацию театрам, направив часть «театральных» денег на оборону. После чего сразу исчезли 360 колхозно-совхозных передвижных театров и закрылись почти все театры в малых городах. Оставшимся коллективам пришлось увеличивать количество показанных спектаклей. И уже в 1948-49 гг.

Окончание на с. 8

«Сильва». В центре Е.Дембская и М.Воднян.

И.Гринштун с актрисами театра

Окончание. Начало на с.7

театр готовит по семь премьер в год, а в 1950-м этот показатель достигает апогея — восемь новых работ.

Вот перечень премьер: 3 января — «Мадемузель Нитуш», 23 февраля — «Чудесный край», 31 марта — «Уголубого Дуная», 28 апреля — «Аршин мал-алан», 12 мая — «Рядом с тобой», 27 мая — «Свадьба в Малиновке», 30 ноября — «Морской узел», 27 декабря — «Лев Гурын Синичкин». При этом коллектив театра состоял из минимального возможного количества сотрудников: двух штатных режиссеров, двух дирижеров, около 25 актеров, 12-14 артистов хора и примерно столько же — балета, 13-15 музыкантов. Количество же сыгранных спектаклей доходило до 450 за сезон.

В условиях резкого ограничения «венницы» и «неовенницы» в репертуар приходилось включать и вещи, мягко говоря, заведомо слабые. Такие, как «Рубиновое кольцо», где «героями» стали вчерашние воины, сменившие автоматы на геологический молоток; «Марийкино счастье» («о духовном возрождении молдавской деревни») и т. п.

Случалось, что хорошую музыку портило либретто, как в «Чудесном крае» Алексея Рябова. Тут на фоне строительства колхозной гидростанции завязывался узел отношений между председательницей колхоза Галиной Луговой и партработником Остапом Гончаром. Суть «конфликта» состояла в том, что перед уходом на фронт Остап подарили Галине платок, который потом случайно обнаруживался в вещах приезжего инженера Веры Емельяновой. И так далее — со счастливым, разумеется, концом...

Идеологическое давление испытывали все без исключения творческие коллективы Союза. Но Львовскому театру было особенно сложно. В советское время бывала горькая щутка, что когда в Москве щемят пальц, в Украине отрубают руку. А театр работал на Западной Украине, да еще во времена расцвета «теории бесконфликтности» и «борьбы с безродными космополитами». Тут компартийное давление ощущалось острее, чем где-либо. Так что приходилось включать в репертуар сочинения художественно беспомощные, зато «идеологически выдержаные». Вроде оперетты Б.Александрова и М.Матвеева «Рядом с тобой». Фабула этого произведения (оперетты его трудно назвать) заключается в том, что молодой герой не справился с должностью начальника железнодорожной станции, за что был раскритикован любимой девушкой, которая потом сама заняла этот пост. И вот такую, с позволения сказать, дребедень заведующий Львовским областным отделом по делам искусств С.Смоктый представил как образец — в противовес «Веселой вдове» и «Ярмарке невест»!

Зрители, однако, мнение чиновника от искусства было глубоко безразлично, и «Рядом с тобой» бесследно канула в вечность, как и «Чужая дочь», «Когда поют соловьи», «Шумит Средиземное море» и другие.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

В мае 1952 года Д.Козачковский принял решение уйти из Музкомедии в драматический Театр имени Заньковецкой.

По логике вещей, пост главного режиссера следовало отдать И.Гринштуну, но над ним довелось kleymo «бездорного космополита», и партийные органы предпочли пригласить «варяга». В гастрольную поездку летом 1952 года театр повез уже новый главреж — Борис Пиковский.

Ученик Александра Таирова имел большой опыт работы в провинциальных театрах и неплохую профессиональную репутацию. Правда, в годы борьбы с «формализмом» ему тоже досталось за «привнесение музыки в классические спектакли, отрыв от бытовизма, нарушение внешнего правдоподобия». Но актеры любили с ним работать, а зрители хорошо принимали его постановки. Б.Пиковский принял театр, в репертуаре которого на тот момент не было ни одной классической оперетты. В прессе это ставили в заслугу: дескать, как замечательно, что театр избавился от «псевдоклассической «венской» опе-

ретты» и ставит исключительно «пьесы советских авторов, а также произведения отечественной классики». Эрители, однако, были противоположного мнения; они предпочитали как раз «псевдоклассику», а на ее отсутствие реагировали «ногами», так что и без того не слишком вместительный зал (около 450 мест) в среднем заполнялся едва наполовину.

Ввиду плачевой финансовой ситуации «руководящим органам» пришло смириться с тем, что с приходом Б.Пиковского в репертуаре театра стала превалировать как раз классика. Не все эти спектакли были равнозначны с художественной стороны, зато позволили театру «закрыть брешь» в бюджете — к великому радости дирекции.

Творчески-коммерческой новинкой стал «Вечер популярных оперетт», с которым удобно было выезжать на гастроли и участвовать в Т.Н. «творческих встречах». Гастрольный поездок с 1948 по 1953 гг. набралось ровно 25. Сперва это были выезды в близкие места — Черновцы, Станслав (Ивано-Франковск), Бориславль, Сtryй, потом география поездок стала расширяться — до Харькова и Стальино (Донецк), и даже за пределы республики

— в Кишинев, Гомель, Тбилиси. Особенно насыщенным на гастрольные поездки выдалось лето и начало осени 1952 г. — целых семь. Домой артисты привезли не только приятные воспоминания о хорошем приеме зрителей и положительные в целом рецензии, но и разнообразные подарки от тружеников, полученные во время «творческих отчетов». Самые экзотические из подарков становились предметом дружеских юшук. Особенно «поднавчивали» М.Водяного, которому начальники «передового участка шахты «София» по фамилии Копейка вручил шахтерскую лампочку. «Лучше бы Рубль», — веселились артисты.

Теперь принимали коллектив и в Одессе (1950 и 1952 гг.); тогда еще никто и предположить не мог, что вскоре этот город станет для театра родным.

Осенью 1953 года Б.Пиковский начал репетировать «Свадебное путешествие» — водевиль В.Дыховичного и М.Слободского с музыкой Н.Богословского (20 лет спустя он будет экранизирован под названием «Жили три холостяка»). Работа шла весело, благо пьеса идеологией не страдала, зато было вдоволь любовных страсти. Тон задали молодые супруги Миша

Водяной и Мара Демина, которые по ходу дела помогали осваиваться дебютантке Идалии Ивановой.

Премьера состоялась в понедельник 14 декабря, а ровно через неделю вышло Постановление Совета Министров УССР, согласно которому предписывалось Львовский театр музыкальной комедии направить в Одессу на постоянное место работы и впредь именовать «Одесский государственный театр музыкальной комедии». 25 декабря это решение было продублировано Главным управлением по делам искусств Министерства культуры УССР. Взамен из Одессы во Львов переехали драматический Театр Советской Армии...

ПРОЩАНИЕ

Сказать, что эта новость ошеломила, значит сильно преувеличить ее воздействие.

«Известие о переводе театра в Одессу, — вспоминал Юрий Тубин, — пришло неожиданно, чуть ли не по-армейски. На все сборы нам дали буквально три дня».

«Не могу сказать, что эта новость нас обрадовала, — признался Николай Удод. — Во Львове наш театр любили, да и бытовом плане мы были устроены очень неплохо».

Откровенно говоря, личные проблемы беспокоили больше всего. Восстановить спектакли на новом месте не составляло особого труда, тем более, что переезжали и декорации. А вот оставлять квартиры... Это сегодня решить подобную проблему относительно несложно: продал-купил. Не то было в условиях централизованного распределения, да еще и в 1950-х, когда в Союзе была настоящий «квартирный голод». Уже не говоря о том, что переход грозил разрушить семейные связи. Именно по этой причине отказалась ехать в Одессу Екатерина Хомяк. Ее примеру последовала перспективная молодая героиня Зинанда Дехтарева, но у той были иные основания. Она выросла в Одессе и как армейский театр был ее любимым. За три года работы в музкомедии актриса многому научилась, и из «музыкально-эстрадного» мира ее все больше тянуло в драму. Потому она и решила остаться во Львове. Время показало обоснованность этого выбора. Зинанда Дехтарева стала «примой» армейского театра — единственного русскоязычного в Галичине, сыграла десятки прекрасных ролей, обрела множество верных поклонников даже среди коллег по профессии (среди которых был и Богдан Ступка). И звание «народная артиста» лишь отражало реальное положение дел...

Но З.Дехтарева была одна. Прочие «первачки» отправились в Одессу, хотя и со слезами на глазах, как признавалась Е.Демская.

28 декабря прошел прощальный концерт, на котором было зачитано обращение Львовского областного управления культуры и филиала Украинского Театрального общества.

Весь состав театра — более 120 человек — были отмечены персональными благодарностями с занесением в личное дело.

В приказе областного управления культуры приводились и некоторые статистические итоги семилетней работы театра: 46 постановок, около трех тысяч спектаклей, около двух миллионов зрителей.

«Проводы были трогательными», — вспоминал И.Гринштун. — Казалось, поезд не отойдет от вокзала — он был в объятьях провожающих друзей, поклонников и, конечно, поклонниц. Уже не актеры, а провожающие исполняли песни из репертуара театра. Особо запомнилось, когда при отходе поезда все на перроне вдруг запели:

«Друг мой, будь, как волынный ветер,
Ветру нет преград на свете...
И еще долго вслед уходящему поезду не слыши:

«Солнце лишь сильным светит,
Счастье лишь к нем приведет...
Действительно, грустно было расставаться с городом, где родился театр, где мордилась как актеры...»

Новый, 1954-й год Театр встречал в Одессе...

Фотографии предоставлены Музеем Одесского академического театра музыкальной комедии имени М.Водяного.